
ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ОТНОШЕНИЯ РОССИЯ–НАТО: ОТ ДЕКЛАРАТИВНОГО ПАРТНЕРСТВА
К ГЛУБОКОМУ КРИЗИСУ

© 2018 г. С. Ознобищев

*ОЗНОБИЩЕВ Сергей Константинович, кандидат исторических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (s.sko96@yandex.ru).*

Статья поступила в редакцию 03.12.2017.

Негативное развитие военно-политической ситуации в Европе и в мире в связи с украинским кризисом резко обострили отношения между Россией и странами Запада. В этом контексте полностью сменился формат взаимоотношений между Россией и НАТО, которые деградировали от развивающегося сотрудничества к глубокому недоверию, создающему реальные предпосылки для военного противостояния. Без возврата к конструктивному взаимодействию на этом направлении невозможно поддержание должного уровня безопасности и создание условий для контроля над вооружениями в Европе. Рассматривая причины создавшейся ситуации, автор статьи предлагает ряд мер, которые могут способствовать выполнению этих задач.

Ключевые слова: отношения Россия–НАТО, политика расширения, военное противостояние, кризис европейской безопасности, холодная война, переговоры об обычных вооруженных силах в Европе, меры укрепления доверия.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-5-5-16

Отношения России и Запада продолжают находиться под сильнейшим негативным воздействием украинского кризиса и его последствий. Надежды на его разрешение реализуются крайне слабо. Длющийся уже несколько лет минский процесс, несмотря на периодические попытки его активизации, пока не в состоянии решительно изменить ситуацию к лучшему.

Все это самым непосредственным образом отражается на отношениях России и НАТО, которые совершили резкий разворот от продвижения к партнерству в направлении глубокого недоверия и, по сути, военного противостояния. Эти отношения все заметнее приобретают устойчивый конфронтационный характер.

УХУДШЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И НАТО: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Окончание холодной войны было ознаменовано налаживанием отношений сотрудничества между Россией и НАТО и кардинальным сокращением военного потенциала альянса в Европе. Численность вооруженных сил США на европейском континенте уменьшилась на 85% – с более чем 400 тыс. до 64 тыс. военнослужащих [1]. Другая влиятельная военная держава – Великобритания также заявляла о готовности вывести

с европейского континента свой 15-тысячный воинский контингент [2]. Вступление стран Балтии в НАТО в 2003 г. сопровождалось весьма символическими мерами военного характера – для охраны воздушного пространства этих стран были “откомандированы” всего лишь четыре истребителя НАТО. Присоединение трех граничащих с Россией государств не повлекло за собой резкой реакции со стороны Москвы. Это свидетельствовало о том, что в тот момент в российских правящих кругах хотя и критиковали политику расширения альянса на Восток, но не драматизировали ситуацию.

Были разработаны и подписаны важные двусторонние соглашения. Принятый в 1997 г. основополагающий акт Россия–НАТО провозгласил намерение сторон “осуществлять сотрудничество в возможно более широкой степени”, что и было начато по 19 направлениям. Показательно, что в документе на высоком официальном уровне выразилось намерение совместно “развивать на основе общих интересов, взаимности и транспарентности прочное, стабильное и долговременное партнерство” [3]. В другом важном совместном документе – принятой в Риме Декларации глав государств и правительств Российской Федерации и государств – членов НАТО “Отношения России и НАТО: новое качество” также было заявлено о намерении “работать как равные партнеры” [4].

Кроме того, во многих заявлениях самого различного уровня декларировалось намерение сторон выстраивать отношения в направлении тесного сотрудничества и партнерства.

Однако констатация безусловных достижений в развитии взаимодействия по линии Россия–НАТО не меняет того факта, что расширение альянса на Восток – как неотъемлемая часть его политики – продолжало оказывать абсолютно деструктивное воздействие на отношения России и Запада. За 25-летний срок реализации этого курса, в ответ на постоянно высказываемые озабоченности Москвы, представители блока выдвигали в основном два аргумента: “расширение НАТО – это расширение демократии” и “расширение ничем не угрожает России”. Следует признать, что эти доводы никогда не принимались ни российскими политиками, ни экспертами.

Навязывая такую политику, НАТО, по существу, поставила крест на самой возможности установления реального партнерства с Москвой. Исключение составляет, пожалуй, краткий период выработки и принятия программы “Партнерства ради мира” (ПРМ), которая была призвана найти компромисс между стремлением ряда стран Восточной и Центральной Европы начать сотрудничество с НАТО в сфере безопасности и оппозицией Москвы политике расширения. По замыслу программы все желающие могли взаимодействовать с альянсом по линии безопасности, без формального вступления в него. Россия присоединилась к ПРМ в июне 1994 г., а в сентябре того же года появились официальные свидетельства того, что принятое под сильным давлением Вашингтона решение о расширении НАТО будет реализовано несмотря ни на что. Будущий кризис в отношениях с РФ стал практически неизбежен.

Руководство альянса следовало бюрократической установке на принятие в свои ряды любого государства (конечно, после прохождения некоего “испытательного срока”), которое “постучится в дверь”. Одновременно были проигнорированы вполне конкретные предложения и намеки, сделанные первыми лицами РФ, о возможности ее вступления в Североатлантический альянс. В итоге построение “кооперационной”, а не “натоцентричной” системы безопасности в Европе так и не состоялось. Постоянно озвучиваемое на официальных мероприятиях альянса намерение принять Грузию и Украину в свои ряды, наряду с нарастающим дефицитом взаимодействия по ряду других важных проблем (например, развертывания системы ПРО в Европе), предопределило углубление кризиса в отношениях РФ и НАТО еще до

украинских событий. А ожидаемая, по мнению российских представителей, перспектива размещения военной инфраструктуры блока на ее территории стала одной из причин украинского кризиса, приведшего фактически к переформатированию отношений между Россией и Западом/НАТО. Вину за резкое обострение отношений стороны, как это часто бывает, возложили друг на друга. Выступая на VI Московской конференции по международной безопасности в апреле 2017 г., начальник Генерального штаба РФ В.В. Герасимов подчеркнул, что “Европа постепенно превращается из наиболее стабильного и спокойного в военном отношении региона в зону повышенной напряженности и конфронтации”, что является следствием действия нескольких факторов, где на первое место ставится “ухудшение взаимоотношений между Россией и НАТО”, которые сегодня «находятся в самой низкой точке с момента окончания “холодной войны”» [5].

Еще одной причиной ухудшения двусторонних отношений и роста взаимного недоверия стала упомянутая проблема развертывания системы ПРО в Европе. В качестве обоснования для ее размещения представители США и НАТО заявляли, что эта система будет размещена в Европе исключительно с целью борьбы против пусков ракет “третьих стран” (имея в виду в первую очередь иранский потенциал). Российские военные, политики и часть экспертов, однако, рассматривали создание такой ПРО как намеренный шаг, направленный на ослабление потенциала ответного удара стратегических ядерных сил РФ и на подрыв стратегической стабильности.

Строго говоря, после принятия Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), который, как отмечается в самом документе, призван обеспечить “исключительно мирный характер ядерной программы Ирана” и тем самым “знаменует собой фундаментальный сдвиг в их подходе к данному вопросу” [6], ситуация должна была бы измениться. Ведь дипломатам ведущих стран – так называемой “группы шести” международных посредников (Китая, Франции, Германии, РФ, Великобритании и США) совместно с высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности, а также представителем Исламской Республики Иран (ИРИ) – удалось прийти к согласию в отношении мер по контролю над ядерной программой этой страны.

В октябре 2017 г. в связи с нападками президента США на условия СВПД, которые, в том числе, по мнению американских представителей, не ограничивают ракетный потенциал ИРИ,

секретарь Высшего совета национальной безопасности ИРИ адмирал Али Шамхани заявил, что “Иран не вернется к реализации своей программы создания баллистических ракет” [7]. Такое заявление следует воспринимать как готовность не только соблюдать условия СВПД, но и, при благоприятных обстоятельствах, идти дальше по пути ограничений, что предполагало бы сдержанность и в ракетной области. Можно было ожидать, что уже после согласования и принятия СВПД последовало бы, как минимум, заявление Вашингтона о том, что будущее развертывание ЕвроПРО будет коррелироваться с дальнейшим прогрессом по линии выполнения соглашения. Однако этого не произошло, укрепив подозрения российских критиков данной системы, что “истинная” цель программы – подрыв потенциала российских СЯС.

Другой важной военно-политической проблемой, оказывающей деструктивное воздействие на взаимоотношения России и США/НАТО, являются взаимные претензии в нарушении Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) 1987 г. Не вдаваясь в их подробный анализ, следует отметить, что при нормальных политических отношениях подобные претензии могли бы быть сняты в рабочем порядке в очень короткие сроки в рамках Специальной контрольной комиссии, созданной в соответствии со ст. XIII ДРСМД. Но вместо того, чтобы задействовать механизм разрешения противоречий по Договору, стороны используют их в качестве повода для обвинений в адрес друг друга.

В полном тупике находится и контроль над обычными вооруженными силами в Европе, диалог по которому развивался на протяжении многих десятилетий – с 70-х годов прошлого века. Западные партнеры проявили неготовность ратифицировать Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) от 1999 г., принятое на саммите ОБСЕ в г. Стамбуле. Предлогом для этого стали выдвигавшиеся Западом претензии в отношении выполнения Москвой условий кратких двусторонних документов, подписанных РФ с Грузией и Молдовой в рамках работы саммита. В итоге, в 2007 г. Россия “приостановила”, а в 2015 г. уже “полностью приостановила” действие ДОВСЕ и перестала участвовать в заседаниях Совместной консультативной группы. Хотя формально процесс контроля над обычными вооружениями в Европе был заморожен, роста численности ограничиваемых Договором вооружений и техники (ОДВТ) не произошло. Более того – наблюдалась прямо противоположная тенденция. Так, за период с 2011 по 2016 г., несмотря

на возрождение тезиса о “российской угрозе”, общее количество ОДВТ по категориям в странах НАТО сократилось и притом достаточно существенно. В целом по странам НАТО эти сокращения составили: по танкам – 17%, по боевым бронированным машинам – 7.5%, по артиллерийским установкам – 7%, по боевым самолетам – 20.5% и по ударным вертолетам – 23.2% [8].

Следует также заметить, что обозначенные в свое время в рамках ДОВСЕ предельные уровни вооружений не достигаются ни странами НАТО, ни Россией. Исходя из последних официальных цифр, представленных российской стороной, можно сделать вывод, что потолки ОДВТ были не заполнены РФ от 37% (по бронетехнике) – до 56% (по боевой авиации)¹. Та же тенденция имеет место и в НАТО: на 1 января 2016 г. общие потолки стран альянса не были заполнены от 54% (по бронетехнике) – до 66% (по боевой авиации).

Сложившееся соотношение сил свидетельствует о том, что стороны не настроены на подготовку к серьезной военной конфронтации, не говоря уже о военных действиях. Кроме того, подобное положение дел дает основания полагать, что заложенная в Соглашении об адаптации логика “самоограничений” для каждой страны-участницы, на которую влияют в немалой степени и экономические соображения, по-прежнему жива. Для возобновления процесса контроля над вооружениями в этой области в первую очередь не хватает политической воли и готовности России и Запада к диалогу. Именно эти факторы обеспечили саму возможность разработки и успешного принятия договоров в области европейской безопасности и контроля над вооружениями.

Конечно, надо понимать, что РФ не очень устраивает нынешнее соотношение обычных вооруженных сил, где в целом наблюдается существенный перекося в сторону НАТО. Однако в зоне граничащих с Россией на западе государств, которая может рассматриваться военными экспертами как “передовой рубеж” НАТО, подавляющее преимущество на стороне России.

В любом случае наличие ограничений на возможный дальнейший рост численности ОДВТ, который может еще более дестабилизировать ситуацию с безопасностью в Европе, лучше, чем их

¹ В отношении данных по России следует иметь в виду, что она с декабря 2011 г. перестала представлять краткую обобщенную информацию о наличии вооружений и техники, которую она продолжала добровольно передавать остальным государствам – участникам ДОВСЕ с декабря 2007 г. после объявления одностороннего моратория на выполнение условий Договора.

отсутствие. Поэтому, в ожидании продолжения диалога на этом направлении и во избежание ухудшения ситуации, можно было бы договориться, в качестве временной меры, о том, что стороны не будут выходить за рамки установленных договорных ограничений.

История переговоров наглядно свидетельствует, что любая договоренность, в конечном итоге, основывается на взаимном учете интересов и озабоченностей сторон, компромиссе переговорных позиций. Исходя из этого, не следует рассчитывать, что Россия пойдет на диалог с Западом по таким интересующим его вопросам, как, например, сокращение тактического ядерного оружия (ТЯО) или расширение мер доверия в Европе, если со своей стороны Запад не начнет диалог с Москвой по проблемам, представляющим первоочередной интерес для нее.

Объективный анализ свидетельствует, что на настоящий период времени руководство НАТО, несмотря на особенно активное давление на него после украинского кризиса со стороны отдельных новых членов блока, все же приняло достаточно сдержанные в военном отношении “ответные” меры. В итоге результатом последних саммитов НАТО стало нахождение компромисса между возросшим уровнем озабоченности в граничащих с Россией на западе странах и нежеланием Брюсселя идти по пути эскалации напряженности. При этом руководством альянса постоянно подчеркивался приоритетный характер сохранения возможности возврата к сотрудничеству с Россией.

Из принятых НАТО мер, которые осложнили отношения с Москвой, можно назвать решение об усилении группировки Сил реагирования НАТО (*NATO Response Forces*) до 40 000 военнослужащих, что стало заметным ростом по сравнению с первоначальным уровнем в 13 000 [9] и повышении их боеготовности. Сюда же следует отнести и формирование так называемой Объединенной оперативной группы повышенной боеготовности (*Very High Readiness Joint Task Force*). Было также принято решение о развертывании на ротационной основе в пограничных с Россией странах (Эстонии, Латвии, Литве и Польше) четырех тактических групп численностью по батальону каждая.

Тем не менее элементы сдержанности в решениях НАТО имеют место. Официальные представители альянса постоянно подчеркивают его приверженность положениям основополагающего акта Россия–НАТО 1997 г., а именно принятого обязательства, что безопасность не должна обеспечиваться “путем дополнительного

постоянного размещения существенных боевых сил” [3]. По-видимому, во исполнение этих положений, представителями военного блока при каждом удобном случае делается акцент на том, что размещение этих подразделений носит временный характер, их состав постоянно ротируется, а численность – сравнительно невелика. Более того, есть определенное понимание, что количество личного состава в упомянутых батальонах в сумме не должно превышать бригадный уровень. Именно этот предел был когда-то обозначен российской стороной в диалоге с НАТО в качестве верхнего уровня, после которого численность боевых сил будет соответствовать тому самому понятию “существенные”, которое закреплено в основополагающем акте.

Кроме того, во всех саммитах НАТО весьма показательны не только те решения, которые нашли отражение в официальных документах, но и те, которые не были приняты. Так, не получило одобрения желание Польши добиться размещения у себя на постоянной основе тяжелой дивизии блока, равно как и звучавшие пожелания прибалтийских стран иметь его постоянно расквартированные силы, причем существенной численности. Не получило поддержки и предложение о размещении флота альянса в Черном море. Несмотря на усиление военно-морской активности в Черноморском регионе, о чем министры обороны стран – членов НАТО договорились в феврале 2017 г., Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг особо отметил, что эта деятельность будет “соответствовать международным обязательствам, включая обязательства в рамках конвенции Монтрё” [10].

В целом руководством НАТО была выведена формула отношений с Россией, которая должна исходить из принципа “обороны и диалога” [11]. Такой формат подчеркнуто оставляет возможность для возобновления предметного практического сотрудничества. Очевидно, однако, что высокий уровень недоверия, возникший в результате украинского кризиса, будет служить, во всяком случае на протяжении нынешнего политического цикла, преградой на пути восстановления сотрудничества России и НАТО.

Возникший тупик в продвижении сторонами своих интересов на Юго-Востоке Украины, приход в Белый дом президента Дональда Трампа, сохраняющиеся надежды на улучшение российско-американских отношений и определенные позитивные сигналы со стороны некоторых европейских стран – все это в какой-то степени оказывает воздействие на политическую риторику в сторону ее смягчения. Одним из примеров тому может

служить сделанное в апреле 2017 г. заявление министра обороны РФ Сергея Шойгу о том, что “Россия и НАТО не рассматривают друг друга как противники, а нацелены на преодоление остатков прежней конфронтации и соперничества” [12].

ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Созданный в соответствии с положениями Основопологающего акта Совместный постоянный совет Россия–НАТО (СРН), который должен был бы именно в подобный кризисный период отношений активизировать свою работу, так и не продемонстрировал сколь-нибудь заметных результатов. Его встречи проводятся нерегулярно и без видимого практического эффекта. Единственный важный вопрос практического плана, который, судя по имеющейся информации, ставился на этих заседаниях, – принятие мер по предотвращению опасных инцидентов в воздушном и морском пространстве, частота которых существенно возросла за последнее время. Но НАТО отклонила предложение РФ по обеспечению воздушной безопасности, которое предполагает полеты военных самолетов с включенными транспондерами. По мнению представителей альянса, это “предложение мало улучшило бы воздушную безопасность или позволило бы избежать российских полетов в опасной близости от кораблей и самолетов западных союзников”.

Реальной же темой, по которой западные страны хотели бы достичь соглашения с Россией, является “увеличение прозрачности, а также уведомлений о военных учениях” [13]. Между тем российской стороной также было предложено провести встречу военных экспертов в области воздушной безопасности. Но и эта идея была отклонена, поскольку, по мнению представителей стран НАТО, такая встреча “нарушит решение альянса приостановить практическую кооперацию (с РФ. – С.О.)” [13]. Тот факт, что дискуссия вокруг принятия достаточно несложных, но важных технических решений затянулась, особенно опасен на фоне реализации упомянутых решений саммитов блока и размещения его подразделений вблизи российской границы.

Со своей стороны Москва не поддержала предложение Латвии о заключении двустороннего договора “о дополнительных мерах доверия” [14], что было ожидаемо. В последние годы российская сторона выступает против активных предложений Запада по укреплению мер доверия на основе

Венского документа 2011 г. как обособленного процесса, который должен развиваться в отрыве от прогресса на других направлениях контроля над вооружениями.

В Российской Федерации выражают озабоченность по поводу намеченного роста финансовых обязательств стран – членов альянса (прозвучавшее со стороны Вашингтона требование увеличить оборонные расходы европейских членов договора до 2% ВВП), а также в связи с активизировавшимися программами модернизации и увеличением численности вооруженных сил некоторых восточноевропейских стран. Намечено и уже происходит перевооружение и наращивание польских вооруженных сил под предлогом того, что Россия, по выражению министра иностранных дел Польши, – это “угроза для Европы и всего мира” [15]. Наблюдается рост оборонных бюджетов стран Балтии [16], хотя самостоятельная значимость военных потенциалов этих государств, безусловно, остается весьма незначительной. В качестве стимула для оправдания подобной военной активности также используется “фактор России” – действия Москвы в контексте украинского кризиса.

Во время однодневного, пожалуй рекордного по краткости, брюссельского саммита НАТО (26 мая 2017 г.) – первого с участием Д. Трампа, далеко не все акценты в отношениях между новым руководством США и другими членами альянса могли быть расставлены. Очевидно, что с приходом в Белый дом нового президента сделан запрос на трансформацию отношений Вашингтона и Брюсселя. В конкретном плане это выражается, например, в стремлении США настоять на увеличении и “унификации” финансовых обязательств стран НАТО. До сих пор из 28 государств – членов альянса лишь пять (США, Великобритания, Польша, Греция и Эстония) достигли упомянутого показателя в 2%. Больше всего на нужды НАТО расходуют Соединенные Штаты – 3.61% [17]. Созданное положение, по мнению Д. Трампа, “нечестно по отношению к американским налогоплательщикам” [18].

Если отталкиваться от предлагаемых Вашингтоном параметров, то доля оборонных расходов невысока и у таких ведущих и мощных в военном отношении стран Европы, как Франция и Германия, которые до последнего времени тратили на эти цели 1.8% и 1.18% соответственно [19]. Исходя из объемов бюджетов, для этих ведущих держав увеличение оборонных расходов выльется в значительную сумму. Как отметил бывший министр иностранных дел ФРГ Зигмар Габриэль, президент США требует от Берлина практически удвоить

оборонный бюджет – до 70 млрд евро. Подчинение этому требованию, по его мнению, будет ошибкой со стороны германского руководства [20].

В российской экспертно-политической среде есть мнение, что нарастающие противоречия между США и европейскими членами Североатлантического договора могут облегчить и ускорить процесс нормализации отношений России и НАТО. Такая точка зрения имеет право на существование. Возможность реализации задачи по ослаблению зависимости Европы от США, которая не раз ставилась отечественной дипломатией еще в советские времена, можно будет в ближайшее время проверить на практике. В любом случае – без возврата к конструктивному диалогу РФ и НАТО нормализация ситуации в сфере европейской безопасности невозможна.

В последней четверти XX столетия возникла уверенность, что система европейской безопасности на основе хельсинкских принципов и системы договоров окончательно сформирована. Более того, эта система рассматривалась как пример для подражания другими регионами мира. Между тем узкое понимание отдельными политиками национальных интересов, достаточно вольная трактовка международного права и многие исторически унаследованные факторы (территориальные претензии, национальная и религиозная рознь и т.п.), которые в обстановке эйфории построения “общеевропейского дома” стали было казаться уходящими в прошлое, пустили “хельсинкский процесс” под откос.

Сокрушительные удары по “европейскому процессу” были нанесены бомбардировками НАТО Югославии, а также принятым под давлением западных стран решением по Косово, которое Запад пытался представить как некое “исключение из правил”.

Как отмечал в свое время президент РФ Д. Медведев, “игнорируя предостережения России, западные страны кинулись с признаниями незаконного провозглашения независимости Косово от Сербии. Мы настойчиво возражали, поскольку после этого убеждать абхазов и осетинцев (и представителей десятков других национальных групп в мире) в неприменимости к ним того, что применимо к косовским албанцам, будет невозможно. В международных отношениях нельзя иметь одно правило для одних и иное – для других” [21]. Обращаясь к этому высказыванию Д. Медведева, известный российский исследователь Н. Арбатова приходит к выводу, что российское руководство тем самым “показало, что независимость Косово – это прецедент”. А “украинский конфликт и присоединение Крыма к России заставили вновь

вспомнить” о нем, подчеркивает она [22]. В итоге действий сторон хельсинкская “система координат” была серьезно подорвана.

Беспрецедентное со времен холодной войны обострение отношений между Россией и Западом, несомненно, насуточно требует глубокой модернизации системы европейской безопасности, которая не только способствовала бы разрешению, но и была бы способна сама предотвращать возникновение кризисов. Запад, на протяжении нескольких десятилетий реализуя политику расширения НАТО, по существу похоронил надежды на создание механизма партнерства с Россией, когда стороны воздерживались бы от принятия решений, негативно воспринимаемых друг другом.

Ряд отечественных экспертов и политиков ожидали, что разразившийся украинский кризис даст импульс новому этапу в укреплении европейской безопасности, создаст новый стимул для “ренессанса” процесса сокращения и ограничения вооружений. Однако, вопреки этим ожиданиям, несмотря на создавшееся критическое положение, желания начать серьезное обсуждение путей такой модернизации среди европейских лидеров пока не обнаруживается. В свою очередь и Россия до настоящего времени тоже не предложила развернутой программы действий в этом направлении.

Еще большую неопределенность в создающуюся ситуацию внесло избрание президентом США Д. Трампа. И здесь снова не оправдались надежды некоторых российских политических деятелей, приветствовавших победу Трампа как “победу России”. Новый американский президент отнюдь не стал “проводником российских интересов”. Более того, его “внешнеполитические метания”, частая непредсказуемая смена позиций, многие из которых противоречат его же предвыборным обещаниям, не создают благоприятных условий для построения отношений стабильного конструктивного сотрудничества с Москвой.

Продолжающийся украинский кризис, среди прочего, обнажил системные расхождения между Россией и Западом в понимании и подходах к основополагающим нормам политических отношений, принципам международного права и к практике применения силы. Проявившиеся разногласия оказались настолько глубокими, что для их преодоления потребуются неординарные усилия и значительное время – гораздо большее, чем это казалось многим российским политикам и экспертам вначале событий в Крыму.

Министр иностранных дел России С. Лавров, выступая на 72-й сессии Генассамблеи ООН,

подчеркнул, что Россия всегда придерживалась таких принципов в международных делах, как “суверенитет, отказ от вмешательства во внутренние дела, равенство народов, взаимоуважение” [23]. Между тем Запад обвиняет Россию в нарушении именно этих принципов. Таким образом, преодоление пропасти на пути к возврату к единому пониманию и практики применения норм международного права и правил “цивилизованного общежития” в Европе и мире является важнейшей системной задачей международной жизни, которая, судя по всему, не является на сегодня для европейской политической элиты актуальной.

Следует отметить один из немногих позитивных итогов украинского кризиса – рост значимости и престижа ОБСЕ. Повышение ее роли могло бы способствовать большему “политическому равновесию” в Европе, переходу от нынешней “натоцентричной” схемы построения европейской безопасности к более эффективному урегулированию противоречий между Россией и Западом. Как представляется, до претворения в жизнь идеи превращения ОБСЕ в подобие “ООН для Европы” еще очень далеко.

В этих условиях задачей первостепенной важности видится снижение растущего напряжения на линии соприкосновения Россия–НАТО. Именно на эту опасность указали видные политики, общественные деятели и всемирно известные ученые, входящие в Наблюдательный совет Международного Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы, акцентировав внимание на том, что “Россия и НАТО продолжают наращивать военную мощь вблизи общей границы и проводить военные учения все более крупных масштабов” [24].

Несомненно, серьезным стимулом на пути разрядки “приграничной напряженности” явилось бы взаимодействие между лидерами РФ и США, которые могли бы акцентировать внимание на этой опасности и выразить намерение предпринять меры по ее ликвидации. Вне зависимости от реализации такой возможности первостепенным, как представляется, должно стать восстановление рабочих отношений между Москвой и НАТО. Во-вторых, следует воздерживаться от действий, которые породили бы новые проблемы и вели к дальнейшему обострению ситуации. Необходимо также в самом срочном порядке восстановить и “перезапустить” двусторонний диалог по линии Совместного постоянного Совета Россия–НАТО.

Нынешняя полная остановка этого механизма противоречит здравому смыслу и изначальной цели его создания: он был задуман как

универсальная структура диалога, которая должна работать при любой “политической погоде”, и в первую очередь в условиях кризиса, для его полного купирования и выхода из кризисной ситуации. В реальности наблюдается прямо противоположный процесс, когда СРН всякий раз практически “автоматически” прекращает свою работу при заметном охлаждении отношений.

Заседания СРН должны не просто проходить регулярно, но быть нацелены на предотвращение и практическое разрешение потенциально опасных ситуаций. Следует перестать пользоваться СРН как “политической ширмой”, прикрывающей подчас отсутствие “субстантивного” взаимодействия. Гораздо эффективнее было бы строить работу по принципу реализации “дорожных карт”, которые намечались бы по всем направлениям “консультаций и сотрудничества” с указанием конечных целей и сроков их достижения.

В качестве неотложной задачи должно стать принятие неотложных мер, направленных на предотвращение опасных сближений военных кораблей и самолетов сторон. Для этого Москва и Вашингтон могли бы для начала заявить о своей приверженности Соглашению между СССР и США о предотвращении опасной военной деятельности (1989 г.) и Соглашению о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним (1972 г.). А далее следует начать совместную разработку и принятие РФ и НАТО отдельного соглашения на этот счет.

Снижению военной напряженности послужила бы конкретизация (указание ограничений по времени, численности вооружений и личного состава) взятых Североатлантическим альянсом в соответствии с Основопологающим актом Россия–НАТО упомянутых выше обязательств о том, что безопасность блока не будет обеспечиваться “путем дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил” [3].

Надо признать, что в целом альянс исходит из того, что он придерживается юридически не закрепленного понимания относительно предельной численности сил, развертываемых на временной основе у российских границ. Но без однозначно принятых параметров имеющееся понимание не может заметно стабилизировать двусторонние военно-политические отношения.

За время украинского кризиса выросли частота и объем военных маневров обеих сторон вблизи общей границы. Особенно беспокоят Запад проводимые РФ масштабные внезапные проверки боеготовности, официально не подпадающие

под уведомления по мерам доверия. На саммитах и иных мероприятиях блока постоянно обсуждаются перспективы дальнейшего укрепления и наращивания его военной составляющей в контексте обострения двусторонних отношений. Об угрозе со стороны НАТО (особенно в связи с ростом ее военной активности) постоянно говорится в официальных документах, выступлениях военных и политических деятелей, посвященных проблемам европейской и международной безопасности. Хотя по ряду коренных показателей нынешняя ситуация, строго говоря, “не дотягивает” до холодной войны, но сложившееся положение может оказаться даже более опасным, чем это было в тот период. Дело в том, что перестали работать многие “предохранительные механизмы”, существовавшие в те годы и предназначенные для предотвращения кризисов и их эскалации.

Впервые за многие десятилетия отсутствует диалог по контролю над вооружениями, на беспрецедентно низком уровне находится доверие между сторонами. Невозможна либо крайне низка результативность совместных действий по разрешению опасных ситуаций даже там, где имеется наработанный опыт достаточно эффективных договоренностей.

В создавшихся условиях рост военного противостояния по линии соприкосновения России и НАТО особенно опасен. В практическом плане снятию напряженности послужило бы снижение интенсивности маневров. Особого внимания и взаимного ограничения требуют маневры вблизи общей границы, внезапные масштабные маневры без предупреждения. Возможно и создание вдоль нее специальной зоны пониженной концентрации войск и военной активности сторон. Соглашения на это счет могли бы быть выработаны достаточно оперативно.

В действительности речь может идти о целом наборе мер доверия. Например, совместные решения об исключении действий воспринимаемых как направленные на создание угрозы безопасности для другой стороны, а также о расширении перечня и охвата мер транспарентности военной деятельности. В итоге Россия и НАТО могли бы согласовать конкретные ограничения военной деятельности в приграничных районах. Впоследствии подобный опыт возможно использовать для развития и укрепления системы мер доверия между Россией и Западом в целом.

Такой диалог мог быть начат как в контексте Совета Россия–НАТО, если бы тот приступил к работе, так и под эгидой ОБСЕ. Возможна организация и отдельного канала диалога на этот счет.

Разработка и совершенствование “свода” мер доверия имеют давнюю историю, что предполагает высокий уровень проработки подходов к решению имеющихся здесь проблем. Это означает, что есть основа для достаточно оперативной разработки на первом этапе краткого соглашения, которое включало бы самые необходимые меры, позволяющие предотвращать возникновение острых конфликтных ситуаций².

Следует, однако, иметь в виду, что только при развитии диалога в сфере безопасности, достижения практически значимых результатов можно будет перейти к “обсуждению вопроса о модернизации Венского документа” по мерам доверия, как это призывают сделать НАТО и Запад [25]. Но пока такого диалога нет, то продвижение по пути “модернизации” принятых мер доверия может быть лишь односторонней уступкой Москвы Западу, для чего нет никаких предпосылок. Официальные же российские представители напрямую увязывают перспективу и саму возможность модернизации Венского документа с прогрессом в контроле над обычными вооружениями [26].

Однако вопрос о возрождении этого направления находится на периферии и без того затормозившегося процесса сокращения и ограничения вооружений. Представляется, что в нынешних политических условиях какие-либо достижения на этом направлении могут произойти только после начала урегулирования украинского кризиса. В любом случае не подлежит сомнению, что наличие соглашения в области обычных вооружений, безусловно, послужит делу укрепления европейской безопасности, росту доверия, в то время как отсутствие каких-либо договоренностей на этот счет, наоборот, эту безопасность постоянно подтачивает.

Росту доверия могла бы послужить интенсификация проведения под эгидой ОБСЕ семинаров по военным доктринам, начатых еще в 1990 г. Подобные мероприятия создают повод для разъяснения содержания собственных доктрин, обмена мнениями и прояснения положений соответствующих

² Предложения относительно возможных мер по снятию напряженности между Россией и НАТО содержатся также в работах: Arbatov Alexey. *Beyond the Nuclear Threshold: Russia, NATO, and Nuclear First Use. European Leadership Network. 04. 2017.* Available at: <http://www.europeanleadershipnetwork.org/medialibrary/2017/04/21/94c24315/Beyond%20the%20Nuclear%20Threshold.pdf> (accessed 02.10.2017); Ознобишев Сергей. *Россия и НАТО: от Украинского кризиса к новому взаимодействию. Ежегодник СИПРИ 2015. Вооружения, разоружение и международная безопасность* (пер. с англ.). Москва, ИМЭМО РАН, 2016, сс. 823-834.

документов каждой из стран-участниц. Здесь важна также и неформальная сторона. В ходе обмена мнениями участники диалога проясняют реалии безопасности – например, границы действий других государств, которые могут быть восприняты как переход определенной “красной черты”, создающей угрозу безопасности и требующую ответных действий.

Вполне возможно договориться о недопущении сторонами действий или деклараций, которые заведомо будут негативно восприняты другой стороной. Такое “поведение” в политике должно стать нормой. При этом нет необходимости добиваться полного понимания аргументов друг друга. Следует раз и навсегда согласиться с тем, что наши “политические менталитеты”, восприятие одних и тех же мировых событий или внешнеполитических и военных акций могут существенно различаться.

За многие годы после окончания холодной войны, когда для этого имелись практически все условия, как Россия, так и Запад оказались не в состоянии создать упомянутый выше “механизм партнерства”, который предполагал бы претворение в жизнь подобных “норм поведения” в мировом пространстве. Остается возможность сформировать “кодекс поведения”, который состоял бы из “программы-минимум” – набора необходимых принципов, которые были бы нацелены на то, чтобы не допустить скатывания в пропасть очередного противостояния.

Из этого следует, что в контексте отношений Россия–НАТО представителям Запада не было смысла в течение более чем двух десятилетий убеждать РФ, что расширение альянса не несет с собой никакой угрозы ее безопасности. Повторение на протяжении столь долгого времени пары дежурных тезисов (вместо поиска компромиссов), в которые российское политико-экспертное сообщество не верило и не могло поверить, лишь создавало и укрепляло оппозицию такой политике. Как представляется, подобную подрывную для сотрудничества (а тем более возможного партнерства) тактику следовало давным-давно прекратить.

За прошедшие несколько лет стало очевидным, что без разрешения украинского кризиса

заметный прогресс в отношениях России и Запада/НАТО невозможен. Несмотря на все старания, российская точка зрения на истоки и развитие украинского кризиса не обрела заметного числа сторонников на Западе. Не оправдались надежды и на достижение понимания в этом вопросе с новой администрацией и переизбранным Конгрессом США. Более того, на ряде важных направлений можно даже говорить об углублении кризиса в российско-американских отношениях. Таким образом, восстановление доверия между Россией и Западом – столь необходимое для возобновления и наращивания военно-политического взаимодействия, практически не происходит. В то же время в Москве быстрыми темпами (в значительной степени – в отрыве от политических реалий) нарастают настороженность и подозрительность в отношении “истинных целей” военных приготовлений НАТО и США.

В создавшейся ситуации высказывавшиеся было надежды на “ренессанс” диалога в области безопасности и контроля над вооружениями после начала спада украинского кризиса оказались несостоятельными. Для Европы это означает, что не только подготовка, но даже выдвижение и обсуждение масштабных идей вроде созыва нового общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству мало кого вдохновляет. Похоже, в пределах нынешнего политического цикла следует настраиваться не на быстрый прорыв, а на упорную работу по снижению напряженности и минимизации ущерба от украинского кризиса. Важной задачей здесь видится максимально возможное сохранение предшествующих достижений в области контроля над вооружениями, нераспространения, снижения уровня взаимной угрозы в европейской и мировой безопасности. Многое придется начинать сначала, в том числе в налаживании элементарного взаимодействия на наиболее “угрожаемых” направлениях вызовов и угроз безопасности.

В создавшейся политической ситуации не приходится прогнозировать скорое улучшение отношений России и НАТО. Для возрождения эффективного двустороннего диалога необходимы политические решения высокого уровня, перспектива принятия которых лидерами ведущих держав пока не просматривается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. U.S. Military Presence in Europe (1945–2016). Headquarters, U.S. European Command. Communication and Engagement Directorate. *Media Operations Division*, Stuttgart, 26.05.2016. 1 p.
2. Tomlinson Simon. Fall back! British remaining 20,000 troops begin withdrawal from Germany 65 years after defeating Hitler. *MailOnLine*, 10.11.2011. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2059745/British-troops-pulled-Germany-ending-continuous-presence-1945.html> (accessed 25.10.2017).

3. *Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического Договора*. Париж, 27.05.1997. [Founding Act on Mutual Relations, Cooperation and Security between NATO and the Russian Federation. Paris, 27.05.1997 (In Russ.)] Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (accessed 02.10.2017).
4. *Отношения России и НАТО: новое качество. Декларация глав государств и правительств Российской Федерации и государств – членов НАТО*. Рим, 28.05.2002. [NATO-Russia Relations: A New Quality. Declaration by Heads of State and Government of NATO Member States and the Russian Federation. Rome, 28.05.2002 (In Russ.)] Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/3484> (accessed 08.09.2016).
5. Выступление начальника Генштаба ВС РФ генерала армии Валерия Герасимова на конференции *MCIS-2017/VI* Московская конференция по международной безопасности. *Министерство обороны Российской Федерации*. Москва, 26–27.04.2017. [Presentation of the Head of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation at the Conference MCIS-2017/VI Moscow conference on international security. The Ministry of defence of the Russian Federation. Moscow, 26–27.04.2017 (In Russ.)] Available at: <http://mil.ru/mcis/news/more.htm?id=12120704> (accessed 10.05.2017).
6. *Совместный всеобъемлющий план действий*. Вена, 14.06.2015. [Joint Comprehensive Plan of Actions. Vienna, 14.06.2015 (In Russ.)] Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1595858 (accessed 17.07.2016).
7. *Euronews exclusive: Iran security chief labels Trump a liar*. 18.10.2017. Available at: <http://www.euronews.com/2017/10/18/euronews-exclusive-iran-security-chief-labels-trump-a-liar> (accessed 25.10.2017).
8. *Vehicle & Aircraft Holdings within the scope of the Conventional Armed Forces in Europe Treaty*. 23.04.2015. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/423149/CFE_2015.pdf (accessed 10.12.2016).
9. *Министры обороны принимают решение об укреплении Сил реагирования НАТО и усилении коллективной обороны*. 24.06.2015. [Ministers of Defense undertake the decision to strengthen the NATO Response Forces and reinforce the collective defense (In Russ.)] Available at: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_120993.htm (accessed 26.09.2017).
10. *НАТО усилит присутствие в Черном море, не нарушая конвенцию Монтрё*. 16.02.2017. [NATO will strengthen its presence in the Black Sea not breaking the Montreux Convention (In Russ.)] Available at: http://flot.com/2017/%CD%E0%F2%EE34/?sphrase_id=5101061 (accessed 26.09.2017).
11. *Йенс Столтенберг: союзу НАТО нужна сильная оборона и диалог с Россией*. 20.06.2016. [Jens Stoltenberg. The NATO union needs strong defense and dialogue with Russia (In Russ.)] Available at: <http://www.svoboda.org/a/27810028.html> (accessed 30.09.2016).
12. Выступление Министра обороны Российской Федерации генерала армии Сергея Шойгу на конференции *MCIS-2017/VI* Московская конференция по международной безопасности. *Министерство обороны Российской Федерации*. Москва, 26–27.04.2017. [Presentation of the Minister of Defense of the Russian Federation of the General of the Army Sergey Shoigu at the MCIS-2017/VI Moscow conference on international security. The Ministry of defence of the Russian Federation. Moscow, 26–27.04.2017 (In Russ.)] Available at: <http://mil.ru/mcis/news/more.htm?id=12120678%40cmsArticle> (accessed 26.09.2017).
13. Буланов К. *НАТО отказалось включать транспондеры на своих самолетах над Балтикой*. 21.09. 2016. [Bulanov K. *NATO otkazalos' vklyuchat' transpondery na svoikh samoletakh nad Baltikoi* [NATO refused to switch on transponders at their airplanes over the Baltics]] Available at: <http://www.rbc.ru/politics/21/09/2016/57e235ed9a79474f872353d5> (accessed 15.12.2016).
14. *Минобороны: Россия отказалась заключать с Латвией “доверительный договор”*. 04.03.2017. [Ministry of Defense: Russia refused to conclude the ‘trust agreement’ with Latvia (In Russ.)] Available at: <https://easaily.com/ru/news/2017/03/14/minoborony-rossiya-otkazalas-zaklyuchat-s-latviej-doveritelnyy-dogovor> (accessed 15.12.2016).
15. Зверев Ю. Польша усиленно перевооружается. *ЕВРАЗИЯ ЭКСПЕРТ*, 03.10. 2016. [Zverev Yu. Pol'sha usilenno perevooruzhaetsya [Poland is intensively rearming]. *EVRAZIYa EKSPERT*, 03.10. 2016.] Available at: <http://eurasia.expert/polsha-usilenno-perevooruzhaetsya/> (accessed 15.12.2016).
16. Стариков А. Страны Балтии наращивают военный бюджет, чтобы доказать Западу реальность “российской угрозы”. *RUBALTIC RU*, 26.04.2017. [Starikov A. Strany Baltii narashchivayut voenniy byudzhel, chtoby dokazat' Zapadu real'nost' “rossiiskoi ugrozy” [Baltic states are increasing the military budget to prove to the West the reality of the “Russian threat”]. *RUBALTIC RU*, 26.04.2017.] Available at: <http://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/26042017-strany-baltii-narashchivayut-voennyy-byudzhe/> (accessed 10.09.2017).
17. Ардаев В. Дональд Два Процента: Трамп приехал в Брюссель давить на НАТО. *РИА Новости. Россия сегодня*, 25.05.2017. [Ardaev V. Donal'd Dva Protsenta: Tramp priekhal v Bryussel' davit' na NATO [Donald the two percent: Trump came to Brussels to press on NATO]. *RIA Novosti. Rossia segodnya*, 25.05.2017.] Available at: <https://ria.ru/world/20170525/1495076875.html> (accessed 10.09.2017).

18. Смирнов В. И вновь “российская угроза”: чем запомнится визит Трампа на саммит лидеров стран НАТО. *RT на русском*, 26.05.2017. [Smirnov V. I vnov’ “rossiiskaya ugroza”: chem zapomnitsya visit Trampa na sammit liderov stran NATO [And once more the “Russian threat”: how the visit of Trump to the summit of the NATO leaders will be remembered]. *RT na rusском*, 26.05.2017.] Available at: <https://russian.rt.com/world/article/393637-tramp-byussel-sammit-nato> (accessed 24.06.2017).
19. *Финансовые показатели НАТО*. 24.05.2017. [Financial indicators of NATO (In Russ.)] Available at: <https://glav.su/forum/4/16/threads/1214016/> (accessed 30.08.2017).
20. Глава МИД ФРГ раскритиковал Меркель за “слепое послушание” США по вопросу вооружений. 26.08.2017. [The head of the Federal Republic of Germany’s Ministry of Foreign Affairs criticized Merkel for the blind obedience to the USA in the issues of armaments (In Russ.)] Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4509871> (accessed 17.09.2017).
21. Medvedev D. Why I had to recognize Georgia’s breakaway regions (Published in Financial Times. 26.08. 2008). *Комсомольская правда* (English Version), 27.08.2008. Available at: <https://www.kp.ru/daily/24153/369068/> (accessed 14.11.2017).
22. Арбатова Н. “Обоюдоострый меч” прецедента (примеры Косово и Крыма как руководство к действию). *Независимая газета*, 29.03.2016. [Arbatova N. “Oboyudoostriy mech” pretsedenta (primery Kosovo I Kryma kak rukovodstvo k deistviyu) [The “double-edged” sword of the precedent (the examples of Kosovo and Crimea as guidance for action)]. *Nezavisimaya gazeta*, 29.03.2016.] Available at: http://www.ng.ru/politics/2016-03-29/3_kartblansh.html (accessed 16.06.2016).
23. *Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на 72-й сессии ГА ООН*. Нью-Йорк, 21.09.2017. [Presentation of the Minister of Foreign Affairs of Russia at the 72-nd sessions of the UN General Assembly, New York, 21.09.2017 (In Russ.)] Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2870898 (accessed 15.10.2017).
24. *Обеспечение прорыва в области ядерного разоружения и нераспространения. Декларация Наблюдательного совета Международного Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы*. 07.11.2016. [Ensuring breakthrough in nuclear disarmament and non-proliferation. Declaration of the Supervisory Board of the International Luxembourg Forum on Preventing Nuclear Catastrophe (In Russ.)] Available at: <http://www.luxembourgforum.org/events/london-2016/#15> (accessed 20.02.2016).
25. *Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве (обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического совета в Варшаве 8–9 июля 2016 г.)*. 09.07.2016. [Warsaw Summit Communiqué (issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8–9 July 2016) (In Russ.)] Available at: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=ru (accessed 16.07.2016).
26. Интервью заместителя Министра иностранных дел России А.Ю. Мешкова. *Интерфакс*, 08.06.2016. [Interview of the Deputy Minister of Foreign Affairs Alexey Meshkov to the “Interfax” information agency. *Interfax*, 08.06.2016 (In Russ.)] Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2305696 (accessed 20.06.2016).

RUSSIA-NATO RELATIONS: FROM DECLARATORY PARTNERSHIP TO DEEP CRISIS*(World Economy and International Relations, 2018, vol. 62, no. 5, pp. 5-16)**Received 03.12.2017.**Sergey K. OZNOBISHCHEV (s.sko96@yandex.ru),**Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.*

The end of the Cold War stimulated decisive positive changes in Russia-NATO relations. American military presence in Europe was reduced by 85% which was one of the signs of growing trust between Russia and the West. Moscow and Brussels adopted a number of documents (NATO-Russia Founding Act of 1997 among them) proclaiming mutual intention to develop a “stable and long-term partnership”. Unfortunately, a number of drawbacks in the Western strategy towards Russia (most notably NATO’s enlargement policy) almost derailed prospects to realize the above intention. Negative developments of the military political situation in Europe and in the world resulting from the Ukrainian crisis drastically aggravated the interaction between Russia and Western countries. As a result, Russia-NATO relations were thrown back on the brink of the Cold War and degraded from the level of developing cooperation with the goal of establishing partnership-like cooperation to a deep mistrust. For the first time since the Cold War, the militaries of the parties almost came in close contact creating the risk of military conflict. In this situation, reducing the level of mutual confrontation becomes an urgent task. To achieve this a number of measures may be undertaken: the mechanism of direct bilateral dialogue (primarily within the NATO-Russia Council) should be restarted, steps should be taken to prevent incidents on and over the high seas, certain key provisions of the Founding Act should be clarified and specified, the level and numbers of military maneuvers should be lowered significantly, zones of the reduced levels of armaments should be established, the process of negotiations on arms control and confidence building measures in Europe should be resumed. In fact, a number of such measures may be proposed. But it is important to take into consideration that the discussion on “modernization” of the 2011 Vienna Document on confidence- and security-building measures proposed by the West may be effectively started only in line with the development of a dialogue on security and arms control and achieving here sizable results. The parts should reduce drastically declaratory accusations addressing each other and try to refrain from activity that would be negatively perceived by the other side.

Keywords: Russia-NATO relations, enlargement policy, military confrontation, crisis of European security, Cold War, negotiations on conventional forces in Europe, confidence building measures.

About author:

Sergey K. OZNOBISHCHEV, Candidate of History, Head of Section of Military Political Analyses and Research Projects.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-5-5-16